Луньков Дмитрий Александрович

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены объективные признаки посредственного причинения вреда. При этом автором выделены уголовно-правовые особенности его каждого элемента: деяния, общественно-опасных последствий, причинной связи и объекта преступления. Основное внимание в работе автор акцентирует на повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых посредством других лиц, и обосновывает необходимость усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые подобным способом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 113-117. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

к поколению, в т.ч. через орудия, средства и продукты труда, в виде навыков, традиций, ритуалов и т.п. Часто она не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность. Другая же часть информации - это отражение, зафиксированное с помощью знаковых систем. Хранилищем этой социально значимой информации является социальная память, развивающаяся в фило- и онтогенезе от непреднамеренной, непроизвольной к преднамеренной, сознательной форме, характеризующая процесс становления и развития социального наследования. Социальная память - это, прежде всего, функционирование средств сохранения социально значимой информации. Сохранение, усвоение, ее критическое и осмысленное использование для собственных нужд, а затем передача и есть механизм социального наследования.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1975. С. 368-383.
2. **Баллер Э. Я.** Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1981. 294 с.
3. **Гегель Г. В. Ф**. Введение в историю философии: лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994.

SOCIAL INHERITANCE: ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL FOUNDATIONS

Lyubov' Nikolaevna Labunskaya, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of World History and Law
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
lnlabunskaya@mail.ru

The author reveals the content of the notions “social heritage” and “inheritance”, pays special attention to the ontology of social inheritance, revealing the procedural nature of relations, flowing through the inevitable dialogue with the past, which includes the acquisition and interpretation of both verbal and non-verbal components of outgoing culture and emphasizes social-historical heritage foundation in every area of human experience, especially in spiritual-symbolic sphere – social-cultural activity matrix, but these stereotypes are inviolable only as long as they meet the general principle of socium – its homeostasis.

Key words and phrases: heritage; social inheritance; social memory; social information; continuity; freedom.

УДК 343.231

В статье рассмотрены объективные признаки посредственного причинения вреда. При этом автором выделены уголовно-правовые особенности его каждого элемента: деяния, общественно-опасных последствий, причинной связи и объекта преступления. Основное внимание в работе автор акцентирует на повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых посредством других лиц, и обосновывает необходимость усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые подобным способом.

Ключевые слова и фразы: посредственное причинение вреда; посредственный совершитель преступления; объективная сторона преступления; деяние; общественно-опасные последствия; причинная связь; объект преступления.

Дмитрий Александрович Луньков
Кафедра уголовного права
Уральская государственная юридическая академия
Starsledelan@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ©

Вопрос объективной стороны посредственного причинения вреда в правовой литературе исследован недостаточно. Большинство авторов, в той или иной мере причастных к исследованию этой проблемы, рассматривают её, в основном, применительно к конкретным видам посредственного совершения преступления, не выявляя объективных свойств и признаков, выражающих сущность уголовно-правового института в целом [1, с. 7; 2, с. 53-54; 3, с. 136-137; 4, с. 62; 5, с. 84; 10, с. 31; 13, с. 8; 14, с. 69; 19, с. 612]. По нашему мнению, объективная сторона посредственного совершения преступления не слагается из сумм объективных признаков всех ее форм. Понятие объективной стороны посредственного причинения вреда, будучи общим по отношению к конкретным его формам, включает лишь такие признаки, которые характерны для каждого конкретного вида и в то же время имеют общее значение, абстрагируясь при этом от признаков и свойств, подчеркивающих специфику той или иной конкретной формы посредственного совершения преступлений.

© Луньков Д. А., 2012

Главным атрибутом объективной стороны состава любого преступления является деяние, которое можно определить как «конкретный единичный акт преступного поведения, либо совокупность различного рода действий, либо концепцию поведения, состоящую из пронизанной одной цепью системы актов» [17, с. 225], направленных на достижение преступного результата. Помимо общепризнанных способов выполнения деяния (собственные телодвижения, использование механизмов, сил природы), к таковым относится использование усилий других людей, не подлежащих уголовной ответственности, что, в свою очередь, позволяет отграничить посредственное причинение вреда от иных способов совершения преступления.

Во-первых, чтобы подвигнуть другое лицо к выполнению определенных действий, преступник вынужден активно воздействовать на него. В связи с этим деяние посредственного совершителя преступления всегда выражается в действии. По этой причине мы полагаем, что посредственное причинение вреда путем бездействия невозможно. Так, при совершении преступления посредством других лиц активная фаза слов и телодвижений преступника оканчивается воздействием на сознание (всегда) и тело (в ряде случаев) непосредственного причинителя вреда, которое может проявляться в двоякой форме. В первом случае воздействие представляет собой целенаправленную деятельность по возбуждению у причинителя желания исполнить требуемое: либо как способ избежать вредных для него лично последствий (применения насилия, взыскания по службе), либо как путь достижения своих целей (например, получение несовершеннолетним или невменяемым вознаграждения, обещанного преступником). При этом возможность наступления вреда от непосредственного причинителя не скрывается. Во втором случае посредственный совершитель преступления тщательно маскирует свой преступный замысел под общественно-полезные или незначительные предлоги, тщательно скрывая вероятность наступления общественно-опасных последствий от невиновного причинителя, т.е. обманывая его, либо вводя в заблуждение. Эти разновидности роднит то, что действиями преступника охвачены не одно телодвижение и не одно словесное выражение, а их система. Применительно к ним уместно говорить «не об общественно-опасном действии, а об общественно-опасной деятельности» [18, с. 152].

Неотъемлемые свойства любого преступного деяния – его общественная опасность и противоправность, которые применительно к институту посредственного совершения преступления имеют свои особенности. Главный вопрос, на который необходимо ответить, состоит в том, содержат ли в себе самостоятельную общественную опасность действия посредственного совершителя преступления, выражающиеся в воздействии на непосредственного причинителя с тем, чтобы он выполнил общественно-опасные деяния, либо действия посредственного совершителя станут общественно-опасными после причинения вреда охраняемым законом интересам действиями (бездействием) невиновного причинителя? Решить эту проблему можно, применив категорию «реальной возможности наступления вредных последствий» с учетом конкретных особенностей преступного действия, предложенную А. А. Пионтковским [12, с. 176]. Мы полагаем, что если в одних случаях реальная возможность выступает как свойство самого действия, то в случаях посредственного причинения вреда целесообразнее рассматривать ее одновременно и как свойство, и как последствие. Действия людей, совершаемые под контролем воли и сознания, являются преступными лишь тогда, когда представляют собой существенную опасность для людей, общества и государства. Тот факт, что вред будет причинен другими – невиновными руками, не может изменить правовую оценку действий преступника, поскольку с точки зрения уголовного закона невиновный причинитель в уголовном правоотношении посредственного причинения вреда - не более чем орудие совершения преступления.

После того, как преступник прекратит противоправное воздействие (психическое и физическое) на невиновного причинителя, объективная сторона состава преступления получает свое продолжение в общественно-опасных действиях последнего. Конечным моментом деяния преступника является момент причинения невиновным лицом вреда. Поэтому мы считаем все усилия преступника, совершенные им до начала выполнения невиновным лицом общественно-опасных действий, стадией приготовления к преступлению, поскольку последнее не завершилось, за исключением тех случаев, когда примененные способы воздействия на другое лицо образовали самостоятельное преступление (побои, издевательства, превышение должностных полномочий и т.д.). Соответственно этому, стадия покушения на преступление окончится после выполнения непосредственным причинителем того, к чему склонил его преступник. При приготовлении и покушении на посредственное причинение вреда, на наш взгляд, возможность наступления последствия следует рассматривать лишь как стадию самого действия посредственного совершителя преступления, поскольку процесс реализации возможности не выходит за рамки совершенного субъектом действия и исчезает вместе с действием, не оставляя за собой каких-либо объективных условий для возобновления и продолжения процесса становления деяния в целом.

Общественно-опасные последствия в ситуациях посредственного причинения вреда также имеют свои особенности. Так, преступное последствие, причиняющее вред охраняемому законом объекту, тесно связано с ним, но не является его антиподом. Поэтому конкретное последствие есть причинение вреда определенному объекту известным действием. В связи с этим, в свойствах конкретного последствия находят отражение и свойства определенного действия. Нагляднее всего это проявляется в способе совершения преступления, т.е. путем использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности. При этом собственноручные действия преступника, ограничиваясь воздействием на непосредственного причинителя вреда, сами по себе не влекут наступление общественно-опасных последствий, поскольку воздействуют исключительно на непосредственного причинителя, вместе с тем создают необходимые предпосылки для причинения вреда. К рассматриваемому вопросу применимо утверждение А. А. Пионтковского: «Реальная возможность наступления

вредных последствий есть определенный этап в процессе становления преступного деяния. В одних случаях эта реальная возможность лежит исключительно в самом совершенном преступном действии, в других – в дальнейших изменениях в состоянии объективной действительности, вызванных им» [Там же, с. 149-150].

С учетом этого, причинная связь применительно к вопросам посредственного причинения вреда весьма специфична относительно общего решения этого вопроса при совершении преступления лицом лично, поскольку фигура невиновного причинителя вреда, находящаяся в общей причинной цепи событий между собственноручными действиями преступника и наступившими последствиями, значительно усложняет причинно-следственную связь, способствует смешиванию причин и условий наступивших общественно-опасных последствий. Так, определенные действия, на совершение которых посредственный совершитель нацеливает невиновного причинителя, всегда преломляются через сознание последнего. С учетом того, что сознание любого человека – это «…высшая, свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирования у человека внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности» [15, с. 220], всегда есть вероятность, что невиновный причинитель, будь то малолетнее или невменяемое лицо, а равно обманутый или исполнитель приказа, склонен выполнить задуманное преступником не так, как желает последний, а так, как более выгодно самому причинителю в конкретной ситуации. Данные действия могут выражаться в максимально возможном откладывании невиновным причинителем требуемых от него действий, либо в стремлении выполнить их в минимально возможной степени, либо вообще уклониться от исполнения предписанного.

Безусловно, посредственный совершитель преступления об этом знает и вынужден в той или иной мере учитывать данные реалии. Ему известно, что достижение конкретных общественно-опасных последствий всегда может сорваться по множеству причин, а конечный результат его преступных действий зависит от соотношения человеческого, материального и ситуационного факторов. Преступник, задумав совершить преступление чужими руками, признает взаимодействие этих элементов, в связи с чем свои действия основывает на тех обстоятельствах, которые сможет контролировать, прогнозировать или предусмотреть. Таким образом, для решения вопроса о причинной связи особое уголовно-правовое значение приобретают способы, которыми посредственный причинитель вреда контролировал или собирался контролировать своего невольного помощника, и одновременно ставят под сомнение применимость правила «мысленного исключения», положенного в основу теории «condition sine qua non» и достаточного условия определения причинной связи в уголовном праве, поскольку в сфере посредственного причинения вреда имеется много непредсказуемых вариантов развития ситуации, вызванных случайными, относительно сознания преступника, но объективно существующими, не учтенными им факторами.

Сказанное про невиновных причинителей значительно усложняет причинную связь между действиями посредственных совершителей и преступным результатом, особенно там, где между ними имеется существенный отрезок времени. Этот временной промежуток, когда преступник, сделав все от него зависящее, отстраняется от контроля над ситуацией, предоставив посредственному причинителю возможность действовать самостоятельно, доставляет дополнительные сложности правоприменителю в доказывании причинной связи. Ситуацию осложняет и тот факт, что собственноручные действия посредственного совершителя оканчиваются с завершением воздействия на непосредственного причинителя. В случае если посредственный причинитель по каким-либо причинам не выполнит того, что ему предписано, или выполнит не так или не то, что ему было предписано, вопрос общественной опасности действий преступника встает особенно остро, поскольку на первый план выступит проблема причинной связи, но уже в контексте реальной возможности или невозможности наступления опасных последствий.

На наш взгляд, решить проблему причинной связи при посредственном совершении преступления возможно, применив т.н. «мотивирующую теорию» [16, с. 88], в поздних трудах В. Н. Кудрявцева получившую название теории «информационной причинности» [6, с. 97]. В её основе лежит учение о детерминизме (от лат. «determino» - определяю), полагающее все явления и процессы действительности находящимися во взаимосвязи, взаимодействующими между собой в рамках тех или иных систем, так или иначе обусловливающих друг друга. В рамках детерминизма выделены информационные и энергетические элементы [9, с. 314]. Так, И. С. Нарский отмечает по этому вопросу: «Различные ситуации причинно-следственной связи могут быть сведены к двум основным типам, если иметь в виду тип самой связи, - к причинению по преимуществу энергетическому и информационному» [11, с. 200]. Продолжая эту мысль, В. Н. Кудрявцев писал, что «перенос информации – типичное свойство причинности в сфере общественных явлений» [7, с. 14]. В юридическом плане он обосновал эту теорию следующим образом: «Изучение процессов управления, развитие кибернетики и философское обобщение новых физических открытий позволили сделать вывод, что взаимодействие причины и следствия теперь характеризуется не только как передача вещества и энергии, но и как передача информации от одного предмета к другому. Следовательно, помимо энергетической, существует информационная причинность» [Там же, с. 8].

Поскольку любая информация имеет материальный носитель, мы вправе говорить о движении материи. Материя, согласно современным представлениям, представляет собой не только механическое перемещение предметов и химические превращения, но охватывает собой всё разнообразие электромагнитных, гравитационных, световых, тепловых и других явлений, в том числе биохимических, т.е. жизнь и сознание человека. Изложенное подтверждается как научными достижениями, так и обыденным опытом, свидетельствующим,

что плохие новости или злые слова могут повлечь болезнь и даже смерть человека. Сказанное в высшей мере справедливо для целенаправленного информационного воздействия на другого человека, осуществляемого с единственной целью – осознанно или неосознанно изменить его сознание и подвигнуть его на совершение определенных общественно-опасных действий. Поэтому нам представляется верным утверждение В. А. Малинина, полагающего, что «в этом случае… связь этих изменений с передачей информации носит характер объективной причинной связи, не зависящей от воли и сознания действующего лица» [8, с. 36].

Применительно к проблемам совершения преступления «чужими руками», целенаправленное информационное воздействие преступника на другое лицо, будь оно несовершеннолетним, невменяемым или обманутым, запускает вполне определенные психические процессы и влечет конкретные изменения во внутреннем мире человека. По нашему мнению, такие субъективные перемены носят объективный характер, поскольку не зависят от воли и сознания лица, их переживающего. Желает последний или нет, эти изменения происходят чаще всего в сторону, угодную злоумышленнику.

Применяя положения теории информационной причинности, можно легко решить проблему уголовной ответственности посредственного совершителя преступления, заставившего малолетнее лицо уговорить невменяемого похитить чужое имущество, которое в конечном итоге будет передано преступнику. Аналогичным будет уголовно-правовое решение, когда лицо, не подлежащее уголовной ответственности, выполнило, помимо преступления, инкриминируемого субъекту, общественно-опасные действия другого рода, совершение которых преступник не мог и не должен был предвидеть. В рассмотренных случаях преступник должен отвечать за фактически наступившие по его вине последствия, а причинная связь между деятельностью посредственного причинителя вреда и наступившим результатом - необходимое объективное условие его уголовной ответственности.

Однако в отличие от всех других форм преступной деятельности, посредственное причинение вреда возникает исключительно в результате и в связи с выполнением общественно-опасных действий руками другого физического лица. Та или иная деятельность субъекта образует посредственное совершение преступления и, следовательно, приобретает общественную опасность лишь постольку, поскольку она объективно связана с общественно-опасными действиями, выполненными другим лицом (не являющимся соучастником), и непосредственно обусловливает их. При всех иных способах совершения преступления другие лица, привлекаемые к совершению преступления, связаны с первым лицом правилами соучастия. Отсутствие невиновного лица, причинившего вред, исключает посредственное совершение преступления.

Объект преступлений, совершаемых посредством других лиц, также имеет свои особенности. По нашему мнению, преступник, причиняя вред чужими руками, одновременно с этим причиняет вред своему невольному помощнику. Это обстоятельство позволяет отнести личность невиновного причинителя к дополнительному объекту, на который посягают преступления, совершаемые посредством других лиц. Такое видение объекта посредственного причинения вреда как сложносоставного социального и правового образования позволяет сделать вывод, что оба объекта нуждаются в уголовно-правовой защите путем усиления меры уголовной ответственности за преступления, совершаемые посредством других лиц. Для этого необходимо скорректировать ч. 1 ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» УК РФ, исключив из п. «д» квалифицирующий признак «привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами, либо лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность», оставив квалифицирующий признак «привлечение к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения»; и дополнить ч. 1 ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» УК РФ пунктом «д[1]» следующего содержания: «совершение преступления посредством использования другого лица или других лиц, не подлежащих в соответствии с настоящим Кодексом уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости, заблуждения, исполнения обязательного приказа или распоряжения, действия под принуждением».

Обобщая изложенное, приходим к выводу, что необходимыми объективными признаками посредственного совершения преступлений являются следующие:

а) деяние лица при посредственном совершении преступления предполагает воздействие исключительно на сознание и тело лица, не подлежащего уголовной ответственности, которое, в свою очередь, выполняет посягательство на охраняемый законом объект;

б) общественно-опасная деятельность невиновного лица обусловлена информационным противоправным воздействием со стороны преступника;

в) между наступившими общественно-опасными последствиями и деянием преступника существует сложная причинная связь, опосредованная наличием невиновного причинителя вреда, в сознании которого преломляется информационное воздействие со стороны преступника;

г) объективной стороной состава преступления лица охвачены как деяние преступника, так и невиновные общественно-опасные действия, равно как и наступивший в конечном итоге противоправный результат;

д) совершая преступление посредством другого лица, преступник посягает на два объекта: первым из них является объект, охраняемый статьей Особенной части УК РФ, по которой в дальнейшем будут квалифицированы действия посредственного совершителя преступления; вторым объектом преступления выступает личная неприкосновенность невиновного причинителя, который подвергается физическому и психическому воздействию со стороны преступника. Это обстоятельство обусловливает повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых посредством других лиц, что, в свою очередь, требует законодательного урегулирования путем коррекции положений ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Список литературы

1. **Баранков Н. В.** Посредственное исполнение преступления: автореф. дисс. … канд. юр. наук. СПб., 2001.
2. **Владимиров В. А.** Преступление совершено соучастниками. М., 1961.
3. **Гришаев П. И., Кригер Г. А.** Соучастие по советскому уголовному праву. М.: Юридическая литература, 1959.
4. **Иванов Н. Г.** Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.
5. **Козлов А. П.** Соучастие - традиции и реальность. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001.
6. **Кудрявцев В. Н.** Причинность в криминологии. М., 1968.
7. **Кудрявцев В. Н.** Причины правонарушений. М., 1976.
8. **Малинин В. А.** Теории причинной связи в теории В. Н. Кудрявцева // Уголовное право. 2008. № 2.
9. **Марков М. Г.** Причина и проблемы теологии. М., 1973.
10. **Мондохонов А. Н.** Соучастие в преступной деятельности: монография. М., 2006.
11. **Нарский И. С.** Неопозитивистские концепции причинности и наука // Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1995. Т. 1.
12. **Пионтковский А. А.** Курс советского уголовного права: в 6-ти т. М.: Наука, 1970. Т. II. Преступление.
13. **Савельев Д. С.** Соучастие в преступлении, преступная группа. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2007.
14. **Солнарж В.** Соучастие по уголовному праву Чехословацкой социалистической республики. М., 1962.
15. **Столяренко Л. Д.** Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.
16. **Тимейко Г. В.** Причинная связь и проблема ответственности при бездействии // Вопросы уголовного права. М., 1966.
17. **Уголовное право: общая часть**: учебник для вузов / отв. ред. проф. И. Я. Козаченко. М.: Норма, 2009.
18. **Уголовное право России: часть общая**: учебник для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. М.: Волтер Клувер, 2005.
19. **Шаргородский М. Д.** Курс советского уголовного права: часть общая. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1.

OBJECTIVE FEATURES OF INDIRECT COMMISSION OF CRIME

Dmitrii Aleksandrovich Lun'kov
Department of Criminal Law
Ural State Law Academy
Starsledelan@yandex.ru

The author considers the objective features of indirect infliction of harm, emphasizes the criminal-legal features of its each element such as: act of commission, socially dangerous consequences, causal connection and the object of crime, pays special attention to the increased social danger of the crimes committed by other persons, and substantiates the necessity to reinforce the criminal liability for the crimes committed this way.

Key words and phrases: indirect infliction of harm; indirect criminal; objective side of crime; act of commission; socially dangerous consequences; causal connection; object of crime.

УДК 78.01

Статья посвящена актуальным вопросам формирования специфики тембра в музыке для альта С. Губайдулиной. Раскрывается творческий вклад С. Губайдулиной в создание новых тембр-образов альтового звучания. В камерно-ансамблевых сочинениях и альтовых концертах выявляется широкий диапазон в трактовке тембра от звукового импрессионизма до звукосимволизма.

Ключевые слова и фразы: С. Губайдулина; музыка для альта; тембр; звук; виртуозность нового плана; исполнительское искусство.

Станислав Анатольевич Маршанский
Кафедра истории музыки
Ростовская государственная консерватория (академия) им. С. В. Рахманинова
marh@list.ru

ТЕМБР АЛЬТА В МУЗЫКЕ С. ГУБАЙДУЛИНОЙ©

На протяжении исторического периода второй половины XX — начала XXI века со всей очевидностью прослеживается линия возрастания интереса отечественных композиторов к альту. Благодаря стремительному росту исполнительского мастерства и выдающимся личным заслугам российских альтистов, таких как С. Дружинин, М. Толпыго, А. Бобровский, Ю. Башмет, Ю. Тканов, С. Степченко, И. Гофман и других, альт уверенно завоевывает статус сольного концертного инструмента, демонстрируя процессы существенного видоизменения тембровых реалий звучания. Современные произведения для альта различных жанров (сонаты, поэмы, концерты, симфонии с альтовым *solo*, а также ансамблевые опусы) отражают, прежде всего, сложные индивидуально-стилистические поиски в *области обновления средств и приемов тембровой выразительности*, которые нуждаются в особом изучении.

© Маршанский С. А., 2012